

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: С ЧУЖИМ ИЛИ ПРОТИВ ЧУЖОГО?¹ **CULTURAL SAFETY: WITH THE STRANGER OR AGAINST THE STRANGER?**

Аннотация: в данной статье рассматривается изменение концепции культурной безопасности в связи с усложнением ситуации с Чужим в русле политики мультикультурализма. Новое понимание культурной безопасности ставит перед нами ряд проблем: *что* мы сохраняем – культуру в целом или культурный код, представленный набором стереотипов, традиций; *чью* культуру мы должны защищать; *от кого* мы защищаем культуру - от вызовов глобализации, от инноваций, от Чужого, от самих себя и т.д.; *как* мы ее защищаем, пассивно сохраняя или активно с оружием в руках и надо ли бояться Чужого? Как один из возможных путей выхода из сложившейся ситуации в статье предлагается преодоление страха перед Чужим, переосмысление его места в социуме и восприятие его как повода к саморефлексии. Это может способствовать построению новой, более гибкой системы культурной безопасности, основанной на реструктуризации основных кросс-коммуникативных каналов, предполагая введение в ее систему Чужого уже не как *объекта* выстраивания отношений, а как полноправного *субъекта* процесса.

Abstract: the article examines changes in the concept of cultural safety / security in connection with the complexity of the situation with a Stranger in line with the policy of multiculturalism. A new understanding of cultural security poses a number of problems -what is it that we retain: the culture as a whole or a cultural code presented as a set of stereotypes and traditions? Whose culture do we need to protect? from whom are we defending the culture - from the challenges of globalization, from the Stranger, from ourselves? How should we protect the culture: passively or full-armed, and should we be afraid of the Stranger? As one of the possible solutions the article suggests overcoming the fear of the Stranger by redefining his place in society, by regarding him as the ground for self-reflection. This can help to build a new, more flexible system of cultural security, based on the restructuring of major cross-channel communication, suggesting the presentation of the Stranger no longer as a passive object of relationships, but as a full subject of the process.

Ключевые слова: культурная безопасность, Чужой, мультикультурализм, межкультурные коммуникации, сохранение, защита, культурные маркеры.

Keywords: cultural safety, Stranger, multiculturalism, cross-cultural communications, saving, protection, cultural markers.

Понятие «культурная безопасность» возникло в последней трети XX века. Оно связано с новым этапом осмысления проблемы взаимоотношения с Другим/Чужим. Чужой все активнее входит в нашу повседневную жизнь, во все сферы человеческого бытия. Этому способствовала и мультикультурная политика, и социальные катаклизмы второй половины XX века и многое другое. Ситуация «жизни с Чужим» ставит перед нами много проблем. Мы с интересом наблюдаем за *дальним* Чужим в туристических поездках и через интернет. Мы восторгаемся, прежде всего, необычной алиментарной культурой и памятниками мирового культурного наследия. Однако, когда этот *дальний* Чужой с очевидностью становится *ближним* и занимает нашу культурную территорию, когда он

---

¹Статья выполнена при поддержке программы "Формирование государственных заданий высшим учебным заведениям на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 гг. в части проведения научно-исследовательских работ. Проект 6.2147.2011 "Проблемы сохранения культурной безопасности Прикаспия"

перестает быть героем фантастической литературы и кинематографа, или экзотическим элементом нашего отдыха, и превращается в значительную часть культурного ландшафта, мы пугаемся и пытаемся защитить себя от процесса вторжения. Мы пытаемся «проснуться вовремя» и задумываемся о «культурной безопасности».

Так что представляет собой культурная безопасность и вообще имеет ли этот термин право на существование? Тот факт, что безопасность является одной из основных витальных ценностей для всего живого на планете, не нуждается в доказательствах. Чувство самосохранения присуще всему животному миру. Однако только человек в состоянии теоретически осмыслить эти процессы.

Осмысление феномена безопасности начинается в эпоху Нового времени, когда как естественное право человека фиксируется в ряде документов: в английском биле о правах 1776 г., американской Декларации независимости 1776 г., во французской декларации прав человека и гражданина в 1789 г.

Вплоть до XX века безопасность традиционно понималась как военно-политическая, физически-телесная, ресурсная, распределительная. Ряд российских исследователей (Анисимов Л.Н., Белоусова З.С, Бирюков Н.С., Блищенко И.П., Власов С.Н., Кудрявцев В.Д.) до сих пор отождествляют безопасность с государственной, национальной защищенностью от военных угроз. Спектр определений безопасности достаточно широк: от состояния (бытие без угроз, устойчивость, защищенность, свободный выбор) до деятельности (человеческая активность). Тем самым это понятие относится к чрезвычайно широкому уровню объектов и феноменов, приобретая онтологический характер. В последнее время в связи с появлением новых угроз, или их новым осмыслением, появляются определения специализированных типов безопасности – экологической, конфессиональной, культурной.

Термин «культурная безопасность» достаточно новый. В определенной степени вклад в разработку этой проблемы на уровне безопасности культурного пространства внес П.Бурдые [Бурдые 1993]. Безопасность культурного пространства - это забота государства о культуре своей страны. Бурдые тиражирует альтюссеровский термин «культуркапитал» [Кравченко 2000], придавая ему новое дыхание. Под культуркапиталом понимается накопление достижений в сфере культуры, культурное богатство страны, которое складывается веками и создает культурный имидж государства на мировой арене.

Собственно современная концепция культурной безопасности, формулируемая как *culturalsafety* начала формироваться в восьмидесятых годах XX века. Возникает она в процессе медсестринского и акушерского облуживания народа Маори в Новой Зеландии, когда стало понятно, что данная деятельность невозможна без учета традиции и обычаев народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь. Культурная безопасность как *culturalsafety* понималась как деятельность, которая поддерживает, уважает и вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, дает им возможность выражать свою идентичность и идет навстречу их культурным нуждам [Culturalsafety 2002: 11]. Культура в этой концепции представлялась прежде всего как совокупность характеристик индивида и включала в себя возраст, пол, сексуальную ориентацию, род деятельности и социоэкономический статус, этническую принадлежность или опыт, религиозность или иные духовные верования, ограниченность в правах [Culturalsafety 2002: 13], но, впрочем, не сводилась к этому перечню.

Позднее в девяностых годах, концепция культурной безопасности вышла за рамки околomedicalной проблематики, и стала обозначаться более широким и более политизированным термином «*culturalsecurity*» [Cotter 1999; Tardif, Benghozi, Junne, Ross 2002]. Оба термина «*safety*» и «*security*» используются как синонимы и обозначают безопасность. Но термин «*security*» имеет более формализованный юридический, государственный смысл – это защита, обеспечение, гарантия, охрана. Термин «*safety*» имеет наряду с защищенностью еще и трактовку как невредимости, целостности. Поэтому концепция *culturalsafety* продолжала существовать в основном в рамках проблемы медицинского облуживания, а концепция *culturalsecurity*, хотя очень часто и оставалась

привязанной к культурам небольших этносов и их проблемам в глобализирующемся мире, тем не менее, вышла за узкие рамки и начала приобретать все более широкий смысл. Именно в этот период Генеральная ассамблея ООН провозгласила в резолюции 57/249 «Культура и развитие» от 20 декабря 2002 г. ценность культурного разнообразия. В связи с этим в послании Генерального директора ЮНЕСКО об объявлении 21 мая Всемирным днем культурного разнообразия во имя диалога и развития, еще раз был поставлен вопрос о необходимости сохранения культурного богатства всех существующих ныне народов и были обозначены угрозы культуре.

Формулирование концепции культурной безопасности явилось следствием осмысления проблем социальной безопасности. На основе концепции социальной безопасности Оле Вивера [Weaver 1993] Скотт Форрест предложил трактовку понятия культурной безопасности (culturalsecurity) как «способности общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [Forrest 2004].

Для отечественной литературы это проблема достаточно новая и еще мало разработанная. В отечественной научной литературе и публицистике тоже существует несколько аналогичных терминов, которые имеют, тем не менее, специфические характеристики, как то: культурная безопасность, безопасность культуры, и культура безопасности, которые, однако, могут носить различную смысловую нагрузку [Романова, Мармилова 2008]. Эти термины в последнее время стали появляться как в публицистике, так и в научной литературе [Флиер 1998; Романова Топчиев 2007], однако как четкой дефиниции, так и разграничения понятий пока не встречается.

Термин «культурная безопасность» с нашей точки зрения наиболее широкий из вышеперечисленных терминов и рассматривает культуру не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности [Степанянц 2012]. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, как - то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Уместно привести здесь замечание Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными [Флиер 1998]. По замечанию С. Форреста, культурная безопасность, это скорее не защита культуры от угроз, а создание условий, при которых культура будет безопасно расти, и развиваться по своим законам [Forrest 2004].

Однако далеко не все так гладко с постановкой проблемы культурной безопасности, поскольку ее артикулирование в последние десятилетия является реакцией и рефлексией сначала на проблемы, возникающие от проникновения в жизнь Чужого (медицинские услуги локальным народам), а потом осмыслением вторжения Чужого в нашу повседневную жизнь с легкой руки политики мультикультурализма. Мы видим, что и в терминологии акцент смещается от «safety» (сохранение) к «security» (охрана), что имеет несколько различные смысловые оттенки.

Взаимоотношение с Чужим – это один из парадоксов социализации человека. С одной стороны как существо социальное, мы определяем себя только «через человека Павла». Мы не можем социализоваться вне другого человека, а Чужой является инвариантом Другого. С другой стороны каждый из нас законченный микрокосм и наш организм генетически «запрограммирован» на его сохранение и защиту от инородного воздействия. Фигура Чужого понимается нами как один из факторов риска. Он самим фактом своего бытия угрожает нашей безопасности. Причем Чужой это не только лицо другой национальности или вероисповедания, это и принципиально иная культура, новые веяния

в социальной жизни, любые новации. Все это изначально определяется нами как *Чужое* и становится *объектом* культурной безопасности.

Несмотря на то, что термин культурная безопасность достаточно прочно вошел в научный оборот, как за рубежом, так и в отечественных исследованиях, сама идея использования этого термина не всегда признается бесспорной и пока он дает нам больше вопросов, чем ответов.

Во-первых, - *что* является объектом культурной безопасности? С одной стороны, все четко и определено – культура. Но сам термин культура весьма многозначен. Культура – это достаточно сложное, размытое и одновременно разнообразно дефинируемое понятие. Это происходит потому, что сама культура многогранна и имеет ярко выраженную двойственную природу. Одна часть культуры представляет постоянную матрицу, так называемый культурный код, который транслируется на уровне коллективного бессознательного. Именно он представляет собой набор определенных стереотипов и ритуалов, культурное ядро любой национальной и этнической культуры, который гарантирует ее стабильность. Вторая сторона культуры - это способность динамично развиваться, постоянно изменяться, что дает возможность культуре выполнять целый ряд функций, в том числе и защитно-адаптивную.

Необходимо учитывать так же, что культура достаточно многоуровневая система, где наряду с самым широким понятием – «мировая культура» или «общечеловеческая культура», тем концептом, что пытается объединить человечество в единое целое, существует огромное количество национальных, этнических, локальных культур, делающих человеческое существование разнообразным и ярким

В связи с этим возникает вопрос, *что* мы сохраняем – культуру в целом, культурный код, представленный набором стереотипов, традиций? Это весьма важно, поскольку это связано с проблемой традиций и инноваций в культуре. Собственно проблема культурной безопасности и возникает, как реакция на любое инновационное изменение в культуре, как страх перед потерей своей культурной инаковости в процессе столкновения с иным, непривычным, чуждым. Но здесь уже встает вопрос о границе между сохранением культурного кода и неприятием всяческих инноваций? Такая двойственность любой национальной культуры и является главной проблемой культурной безопасности. С одной стороны, «национальная культура всегда в той или иной степени открыта для культурного обмена», с другой, «культурный взаимообмен предполагает сохранение их уникальности, самостоятельности» [Маршак, Сергеев 2008:4].

Поэтому, если объектом сохранения безопасности становится культура в целом, это, по мнению К. Разлогова может привести ее к стагнации [Разлогов 2010]. Однако позитивность культурных инноваций, особенно в русле массовой культуры, далеко не всеми исследователями принимается безоговорочно. Более того, некоторые из них считают, что для сохранения культурной безопасности нужно вернуться к государственной системе регулирования культурой, что бы противодействовать «культурному разложению нации» [Разлогов 2010: 96].

Действительно, где границы допустимых изменений в культуре и есть ли они? И будет ли правильной постановка вопроса о допустимости границ? Воспринимаем ли мы любую инновацию как чужое для данной культуры?

Во-вторых, *кого, или чью* культуру мы должны защищать? Представителя локальных народов, например австралийского аборигена или индейца Северной Америки, в процессе столкновения с европейской культурой практически почти полностью уничтоженного, выселенного в резервации и утратившего во многом свою исходную культуру или европейца от начинающегося диктата чужой культуры на улицах их собственных городов? О том, что такой вариант защиты тоже начинает рассматриваться всерьез, говорит фильм «Мечеть Парижской Богородицы» 2011 реж. В.Синельникова, поставленный по скандальному роману Е.Чудиновой, увидевшему свет в 2005 г, за несколько месяцев до эмигрантских беспорядков в Париже. Чудинова в резкой и весьма спорной форме ставит вопрос о том, что европейцам необходимо проснуться от своей

затянувшейся политкорректности, иначе лет через тридцать наступит полная исламизация Европы. Защитить европейскую культуру может только возврат к традиционной форме католицизма.

На следующий год, в 2006, выходит сатирический роман антиутопия В. Сорокина «День опричника», где уже Россию защищают великой стеной, как от Запада, так и от Востока. «Как только шестнадцать лет назад заложил государев батюшка Николай Платонович первый камень в фундамент Западной Стены, как только стали мы отгораживаться от чуждого извне, от бесовского изнутри - так и полезли супротивные из всех щелей, аки сколопендрии зловердное» [Сорокин 2006].

В-третьих, *от кого* мы защищаем культуру - от вызовов глобализации, от инноваций, от Чужого, от самих себя и т.д.

Так известный итальянский культуролог Леонардо де Арризабалага у Прадо считает что культуру есть от кого защищать и прежде всего от вандалов, берущих в руки браунинги всякий раз когда они слышат слово «культура», от тех, кто покушался на Пьету Микеланджело, Джоконду Леонардо Да Винчи, разрушил статуи Будд в Бамиане и т.д. [Arrizabalaga Prado]. Он считает, что основной целью культуры как раз и является защита человека и сохранение его безопасности, хотя сама безопасность культуры зависит от того, насколько успешно мы ее защищаем. Можно ли ставить знак равенства между вандалом, разрушающим произведения искусства и Чужим вторгающимся в нашу культуру самим фактом своего существования? Надо ли защищать привычный культурный ландшафт наших городов от непривычных восточных элементов?

Мысль о том, что встреча с Другим как Чужим по сути своей не может не раздавить, что «чужие» могут значительно повлиять на ход современной истории и глобально изменить, например, «лицо» Европы в новом тысячелетии начинает звучать публично. О.Фалаччи пишет об этом в книгах «Ярость и гордость» (2001), «Связанный Запад» (2004) . Й. Бухштайнер в книге «Час азиатов. Как вытесняется Европа» 2005. поэтапно показывает процесс уничтожения Европы за счет большой активности азиатского населения, как в самой Европе, так и во всем мире. По его мнению, такие черты как активность, уверенность, решимость помогут азиатам захватить Европу, которая в свою очередь не готова к такому исходу событий [Buchsteiner 2005] . Этому же посвящены и монографии Я.Росса «Что останется от нас? Конец господства Запада» [Ross 2008] и Т.Буро и С.Штамер «Моя Германия – твоя Германия» [Buhrow , Stamer 2008]. Об этом и уже упоминавшийся нами художественный роман Е. Чудиновой «Мечеть Парижской богородицы» (2005).

Следующим шагом в осмыслении проблемы Чужого подобным образом явилась весьма популярная на сегодня в Германии книга бывшего члена совета директоров Бундесбанка и бывшего министра финансов Берлина Т. Сарацина (СДПГ) «Германия самоликвидируется: Как мы ставим на карту нашу страну» [Sarrazin 2010].

Квинтэссенцией книги является обоснованный печальный прогноз развития социальной ситуации в Германии, как следствие падения рождаемости и большого притока мигрантов-мусульман, практически не способных к интеграции. Сарацин, имя которого, по иронии судьбы, ассоциируется с тем самым чужим, исламским миром, озвучивает истинное отношение многих европейцев к сложившейся ситуации: «Я не хочу, чтобы страна, где будут жить мои внуки и правнуки, - пишет политик,- стала большей частью мусульманской, чтобы в ней повсюду говорили по-турецки и по-арабски, женщины ходили в платках, а ритм жизни определялся бы призывом муэдзина. Если мне захочется посмотреть на это, я могу поехать на Ближний Восток» [Sarrazin 2010].

Особая скандальность данной ситуации заключается в том, что де юре такого рода высказывания считаются властями не толерантными и критикуются в средствах массовой информации, как расистские и псевдонаучные, де факто же разделяются большинством по умолчанию. Собственно Т.Сарацин и отразил в своей книге точку зрения большинства коренного населения страны.

В основе этой позиции лежит страх: перед Чужим, перед возможностью погибнуть от теракта в любой момент и в любом месте, страх выходить вечером на улицы не только в кварталах «ноу гоу», но и вообще выходить затемно, и не только в Европе, но и в России. Это страх потерять привычный мирный милый сердцу европейский культурный ландшафт. Это страх лишиться очередного объекта культурного наследия.

Однако есть еще и страх озвучить эту проблему. «Боже! Я не отрицаю ничье право на страх. Тысячу раз я писала: тот, кто заявляет, что не испытывает страха, либо лжец, либо идиот, либо и то и другое. Но в Жизни и в Истории есть моменты, когда страх недопустим» [Фаллачи 2004], писала Орианна Фалаччи. Это тоже боязнь, но не самого Чужого, а политкорректного сообщества, которое тут же по отношению к тебе начнет вести себя отнюдь не политкорректно. Достаточно вспомнить травлю О.Фаллачи и Т.Сарацина их же европейскими коллегами, после выхода в свет их книг. У обоих авторов есть идеи, с которыми нельзя согласиться, есть резкие и нелюбезные высказывания. Но нельзя и уходить от постановки проблемы Чужого.

Так что же, книги О.Фаллачи, Т.Сарацина, и других авторов провоцируют проблему Чужого и нагнетают напряженность в Европе? Или все же «напряженность появилась потому, что начались сопровождающие книгу общественные дискуссии, но главный источник этой напряженности — сама проблема, а не разговоры о ней. Это невозможно замолчать»?² Лучшим подтверждением тому является продолжение дискуссии. Немецкий социолог, сама эмигрантка из Турции Некла Келек выступив в поддержку Т.Сарацина, выпустила в свет книгу «Хаос культур. Дебаты вокруг ислама и интеграции» [Kelek 2012], где она поднимает вопросы о недостаточной интеграции в европейское и, в частности, германское сообщество мусульман. Частичным продолжением книги Т.Сарацина можно считать выпущенную в сентябре 2012 г. работу мэра берлинского района Нойкелльн Хайнца Бушковского «Нойкелльн повсюду» [Bushkovky 2012], которая так же вызвала волну дискуссий. Бушковский пишет о том, что он перестал воспринимать вверенный ему район как часть Германии. На Херманнштрассе «нужно обладать качествами скаута, чтобы найти закусочную, где можно было бы поесть свинины, на торговой улице длиной в несколько километров... Здесь исчезает ощущение, что «я дома» [Bushkovky 2012: 38]. Однако Бушковский не так резок в своих высказываниях, как Т.Сарацин, то ли и в силу убеждений, то ли в силу страха перед последствиями. Он допускает факты удачной миграционной истории [Bushkovky 2012: 10]. Поисками вариантов интеграции мигрантов занята и мигрант во втором поколении Сейран Атес, которая в книге «Заблуждения мульти-культы. Как мы можем лучше сожительствовать в Германии» (2010) [Ates 2010] обвиняет власти в неправильной интеграционной политике и соответственно в возникновении параллельных сообществ и пытается дать механизм встраивания мигрантов в европейское сообщество.

Итак, признавая реальность Чужого, мы можем продолжать его бояться. Бояться его в виде исламской угрозы, или китайской угрозы или заговора сионских мудрецов, или тайного финансового правительства или... Бояться на наших улицах, рынках и в университетах. Но страх, видимо, заразителен. В свою очередь премьер-министр Турции Эрдоган заявил, что его родственники боятся жить в Германии³.

В-четвертых, как мы ее защищаем, пассивно сохраняя или активно с оружием в руках? Англоязычная литература в определенной мере обозначила эту проблему, используя два понятия *cultural safety* и *cultural security*. Термином *cultural safety* обозначается пассивное действие – сохранение, оберегание. Термин *cultural security* связан скорее с активной защитой. Мы оберегаем культуру, реставрируя и консервируя культурные памятники, развивая музейные комплексы, сохраняя старинные артефакты. Однако когда мы уже не

²Поговорим, наконец, о том, о чём все думают! Писательница Моника Марон и социолог Некла Келек рассуждают о критике ислама, норвежской бойне и Тило Сарацине - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://mishmar.info/pogovorim-nakonec-o-tom-o-chem-vse-dumayut.html>

³ «Премьер-министр Турции заявил, что его родственники боятся жить в Германии» - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.turtsia.ru/Content/11906>

можем документально воссоздать или реставрировать что-либо, мы реконструируем, создаем симулякр, который представляет собой точную копию памятника, однако уже не является таковым. Сохраняем ли мы тем самым культуру или профанируем? Так в романе В.Сорокина «День опричника» происходит реставрация сермяжно-посконной русской культуры в слегка кичевом стиле, но культура сохраняется от вредоносных влияний Запада и счастливый народ не помнит ни про Европу, ни про Америку, и благополучно торгует с Китаем. И даже если учесть иронию романа, что в данном случае является актом культурной безопасности – Великая Русская стена или протест против нее? Однако в некоторых случаях актом культурной безопасности может считаться не созидание и сохранение, а уничтожение. Герои романа Чудиновой взрывают превращенный в мечеть собор Парижской богородицы, по принципу, «так не доставайся же никому».

Так имеет ли право на существование постановка проблемы культурной безопасности, не надуманна ли она? Вышеупомянутый нами К. Разлогов считает, что она не просто надуманна, а что постановка этой проблемы опасна, культурная безопасность «не укрепляет и не способствует укреплению прав и достоинств человека» [Разлогов 2008].

Оппонируя ему В. Ширяев пишет, что «методологически бесплодным и теоретически ошибочным было бы пытаться рассматривать проблему культурной безопасности как ложную и надуманную» [Ширяев 2009]. Мы считаем, что она существует, прежде всего, как рефлексия на проблему Чужого, а привлечение внимания к проблеме культурной безопасности, это призыв к осмыслению реальной ситуации, это будильник, который призывает проснуться и посмотреть.

Попытаемся поставить вопрос несколько иначе. Является ли страх перед чужим оптимальной реакцией на создавшуюся ситуацию?

Весь дискурс о Чужом ставит перед нами ряд проблем. Во-первых, обладает ли Чужой реальной инаковостью, или его инаковость в большей степени лишь плод дискурса о нем, т.е. «Чужой конституируется в дискурсе Чужого» [Малахов 2007: 152]? В таком случае эта статья может считаться еще одним конституированием, а может и конструированием Чужого, как любая рефлексия о нем. Задумаемся, чем является для нас «Чужой», онтологической или эпистемологической категорией? Какой чужой интересует нас больше, реальный, существующий с нами бок о бок, или созданный нашим воображением? Наверное для нас более удобен сконструированный нами чужой. Он является квинтэссенцией наших страхов и чаяний. Мы сами наделяем его теми или иными чертами в рамках основных маркеров чужести. Мы сами расставляем акценты. Этот чужой нам более понятен, поскольку он результат *нашей* рефлексии, а по сути, гипертрофированное отражение наших собственных черт. Мы сбрасываем на этот образ все то, чего не хотим видеть, но интуитивно в себе ощущаем. По сути своей этот чужой играет у нас роль козла отпущения, как персонаж К.Саймака - робот, выполняющий в маленьком американском городке тайную миссию общественного изгоя. Беря на себя грехи общества, он тем самым заставляет их задуматься о своих и «очиститься от скверны». От реального чужого мы пытаемся отгородиться великой китайской стеной. Реальный чужой угрожает вытеснить нас из наших насиженных гнезд, он замещает собой реальные и привычные нам лица. Мы не доверяем ему, не верим в его компетентность. Садясь в автобус дальнего следования, мы начинаем смотреть, кто за рулем и если это гастарбайтер, то беспокоимся о безопасности поездки.

Второй вопрос: наш страх - это страх перед реальным чужим или он смоделирован, запрограммирован демонизацией Чужого в СМИ, а сам Чужой есть фактор манипуляции в политической сфере, акцентуация внимания не на реальных социальных проблемах, а на инаковости «понаехавшего» Чужого?

Третий вопрос, а надо ли бояться Чужого?

Здесь у нас несколько вариантов осмысления данной проблемы и соответственно несколько путей, по которым может пойти общество.

Во-первых, если инаковость чужого формируется лишь в дискуссиях как одна из манипулятивных технологий, то получается, что Чужого по сути своей нет. А поскольку

инопланетные чужие есть плод нашей фантазии и рефлексии, то мы все *homosapiens*, все друг другу свои. А та самая Чужесть и инаковость не имеет особого значения в системе общежития. В этом случае нужно бояться не реального Чужого, а манипуляторов этими образами, причем как в позитивную, так и в негативную сторону. Вся мультикультурная политика Евросоюза, основанная на подчеркивании культурного разнообразия, была направлена на создание позитивного образа Чужого, «но апология инаковости превратилась в проповедь Чужести» [Малахов 2007: 152]. Известно, куда вымощена добрыми намерениями дорога.

Как один из примеров манипулятивных возможностей этой проблемы можно привести ситуацию с постройкой исламского центра вблизи башен-близнецов. Как известно, для Американцев вторжение Чужого в их жизнь – это, прежде всего, трагедия 11 сентября 2001 г., когда были уничтожены башни-близнецы на Манхэттене. Наш гид по Нью-Йорку, выходец из России, эрудированный и остроумный человек, посвятил большую часть обзорной экскурсии по Нью-Йорку в 2008 г. посещению места трагедии. Для него, человека в возрасте, скорее всего пережившего Великую Отечественную войну и ее ужасы, именно эта трагедия стала чем-то совершенно невероятным, а потому страшным и впечатляющим. Именно она явилась спусковым механизмом для выплеска отрицательных эмоций у О.Фаллачи в ее филиппике «Ярость и гордость». Поэтому, когда в 2010 г. разгорелся скандал вокруг постройки исламского центра на Манхэттене вблизи места трагедии, ситуация казалась достаточно очевидной и однозначной. Это строительство – еще один шаг в исламской экспансии, и при трепетном отношении американцев к месту трагедии, строительство центра будет быстро перенесено в какое-либо другое место. Однако все оказалось гораздо сложнее. Снятый в 2011 году уже упоминавшийся нами документальный фильм «Мечеть Парижской Богоматери» очень много внимания уделяет этому вопросу, который на момент выхода фильма в свет, остается открытым. Против строительства выступают родные погибших, проводятся пикеты на Манхэттене. Однако в поддержку проекта, как ни странно на первый взгляд, выступает мэр Нью-Йорка Майкл Блумберг и президент Барак Обама, застройку одобряет общественный совет Манхэттена, а на все выгодные финансовые предложения⁴ инициатор проекта имам Фейзал Абдул Рауф, отвечает однозначным отказом. Основная официальная мотивировка строительства центра именно на этом месте – это сближение культур и религий. И если в 2010 г. весь российский Интернет пестрел публикациями на эту тему, в 2011 об этом кричал фильм, то результат процесса – построение центра, прошел в отечественной печати практически незамеченным. Центр функционирует, имеет свой сайт [ИП]. И больше никто не говорит о нарушении этических норм. Так что это – манипуляция? Если да, то в чью пользу?

Если инаковость чужого существует в реальности, то как относится к этой инаковости? С радостью и восхищением перед культурным разнообразием мира, со спокойствием исследователя-энтомолога или со страхом перед неведомым?

У нас есть несколько путей. Во-первых, признать реальность существования Чужого. Не другого, иного, а именно Чужого. И тем самым, возможно, отказаться от излишней политкорректности. В последнее время политика мультикультурализма как некоторыми политиками, так и исследователями начинает признаваться как не оправдавшая надежд, а то и опасная для идентичности «принимающих» этносов. «Глобализация, с ее прозрачностью границ, создала угрозу в условиях потери образа “Чужого” и переплавления его в доброжелательного “Другого”, ибо это навредило культурной идентичности и национальной целостности народа, как бы потерявшего “нюх” на опасность в самых разных ее проявлениях» [Шульгина 2009: 216].

В этом случае идеологические установки на восприятие Чужого как Своего расходятся с установками самих Чужих, которые рассматривают принимающую культуру, по крайней мере, как Чуждую. Это не остается незамеченным, но в большинстве своем тревожные ощущения и эмоции, идущие вразрез с общепринятыми правилами, не озвучиваются.

---

⁴ К.Илюмжинов предложил выкупить этот участок по более высокой цене за 10 млн. долларов

Хотя в последнее время, как мы уже показывали выше, голосов, пытающихся *разбудить общественность*, становится все больше.

Поскольку принцип уважения к Другому остается в некотором роде обязательным атрибутом гражданского общества, любой «цивилизованный человек», понимая, сколь велика может быть глубина его неприятия, должен стараться и уметь владеть своими эмоциями, дабы вновь не оказаться в состоянии варварства. В силу нашего страха перед политнекорректностью, мы можем переместить его в виртуальную плоскость. Возникает нужда в некоем макете, виртуальном заменителе Чужого – своеобразном «чучеле начальника». Причем этот заменитель также должен быть «политкорректным», таким, чтобы на вполне легальных основаниях принять на себя весь «букет» наших негативных эмоций. И здесь нет лучше персонажа, чем монстр. Мы получаем и имеем право ненавидеть всех литературных, экранных и компьютерных монстров, последних мы можем вполне законно и с удовольствием уничтожать. Однако образ Чужого как монстра возникает далеко не сегодня [Романова, Якушенков, Хлыщева, Топчиев 2013]. Он всегда был необходим как квинтэссенция управляемого,отрефлексируемого страха, что бы заместить или вытеснить страх перед проблемами реальной жизни хотя бы на время. Однако на современном этапе вторжения чужого в повседневность, а так же наличие фактора политкорректности заставляет нас умножать сущности монстров, дополняя традиционные образы инопланетно-космическими фантазиями. Одновременно и некоторые традиционные монстры предстают в более привлекательном, очеловеченном варианте, как например, современный образ вампира.

А можно, признавая реальность Чужого, попытаться не бояться его и начать двигаться по направлению к Чужому. На определенном этапе развития социума, связанном с появлением гражданского общества, позиция «нам целый мир – чужбина» начинает осознаваться как непродуктивная, чреватая ответом негативного, разрушительного характера. Ныне это выражается в самом широком спектре идеологием – от позитивного сознания в культурном концепте движения «Нью Эйдж» до политкорректности в идеологии мультикультурализма. В концепции мультикультурализма, в основном постулате всеобщего равенства, заложена интенция позитивного отношения к Чужому, вследствие чего само понятие «Чужой» можно было бы квалифицировать как неполиткорректное.

Однако политкорректность Европы по отношению к Чужому не отозвалась ответной политкорректностью со стороны Чужого и породила столь серьезные проблемы, которые повлекли за собой чудовищную реакцию некоторых граждан европейских стран (как, например, террористический акт А. Брейвика в 2011 г.). Если официальная Европа политкорректно боится лишней раз ущемить права своих мигрантов, то руководство Австралии, считая себя хозяевами своей территории, перестало бояться быть неполиткорректными и предложило всем недовольным просто уехать восвояси.⁵ Тем не менее, несмотря на отдельные демарши и высказывания, принцип политкорректности, в основном, остается в некотором роде обязательным атрибутом гражданского общества.

---

⁵«Я уже устал тревожиться из-за того, чтобы не дай бог, ненароком не обидеть этих людей и их культуру, - говорил Джон Ховард. - Наш официальный язык – английский. Не испанский, не арабский, не китайский, не японский и никакой другой. Хотите жить в нашем обществе – учите английский. Большинство австралийцев верят в христианского бога. Это не религиозная дискриминация, не влияние правых, не политическое давление. Это факт. Мужчины и женщины создавали эту нацию на основе христианской веры. Это образ жизни нашей страны, он прививается детям в школах. Если наш бог кого-то оскорбляет, пусть едут в другое место. Здесь наша земля, наша страна. Если вы разделяете наши ценности - добро пожаловать. Если вы приехали, чтобы возмущаться, если вам не нравится наш флаг, если вам не нравится наша христианская вера, вы всегда можете воспользоваться базисным демократическим правом - правом уехать отсюда куда угодно. Вам здесь не нравится? До свидания. Мы вас сюда не звали». Понятно, что после таких высказываний Джона Ховарда, которые не просто были голословны, но и подкреплялись делами, в Европе не позавидовал австралийцам только слабоумный. Французская пресса даже опубликовала высказывания Джона Ховарда под заголовком: «Нам тоже не помешал бы такой мужчина. - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.segodaya.ru/content/15149>

Подсознательно человечество понимает, что страх и страусиная политика никогда не были лучшим путем решения жизненно важных проблем. Страх не продуктивен, он только усугубляет проблему, как мы уже показывали выше, демонизирует Чужого. Нам надо выстраивать систему коммуникации с Чужим, оптимальную для обеих сторон и основанную на преодолении страхов. Преодоление страха как раз и должно лежать в тех областях, в которых он больше всего сконцентрирован, являющихся наиболее яркими маркерами чужести - это алиментарная культура, сексуальные пристрастия, внешность. Мы можем победить страх через налаживание совместного коммуникационного процесса между Мной и Чужим. Для нас становятся привычными китайские, японские, мексиканские, итальянские и другие этнические рестораники. В них появилась услуга – бизнес-ланч, куда приходят обедать сотрудники близлежащих учреждений. И у современных россиян на праздники наряду, а иногда и вместо, поскольку менее калорийно, с традиционным салатом Оливье располагаются суши, пицца, корейская морковь и т.д. Тем самым символически, на бессознательном уровне, мы как бы сажаем Чужого за свой стол и разделяем с ним трапезу. В винных гипермаркетах мы выбираем между русской водкой, французским коньяком, японским sake, китайской маотай, латиноамериканской текилой и т.д. Это уже не экзотика, а новая норма повседневной жизни. Мы носим пончо, китайские халаты с драконами, африканские саронги, австралийские угги. Этническая одежда так же стала повседневным элементом нашей жизни. Она перестала восприниматься как одежда Чужого. Мы красим волосы в разные цвета и становимся черноволосыми, как китайцы, японцы и латиноамериканцы, курчавыми, как африканцы, блондинами с прямыми волосами, как скандинавы. Причем мы можем делать это последовательно с одной отдельно взятой головой. Не выезжая из дома, мы можем купить сувениры и продукцию практически любой страны. Практически полмира, не принадлежащего к ГЛБТ-культуре, веселится на гей-парадах. Мы смеемся на фильмах представителей гей-культуры, над забавными инопланетянами из мировой фильмографии, над Равшаном и Джамшудом из «Нашей Раши», тем самым высмеивая свою косность и дикость. Ведь уже достаточно странно выглядит шараханье от чужой кухни и чужих лиц. Сейчас такого консерватора, а не Чужого, мы называем дикарем. Мы пытаемся примерять на себя «костюмчик» Чужого, тем самым переводя его в разряд Других. Но мы и себя тем самым переводим в разряд Других, не таких, какие мы были до принятия всех вышеперечисленных культурных маркеров. Это не означает, что мы должны обязательно сменить сексуальную ориентацию, пересесть на японскую кухню, перейти на ношение сари и сделать операцию по изменению разреза глаз. Это означает что мы должны быть готовыми к пониманию Чужого, но не только в далекой Мексике или Японии, а того Чужого, который метет соседнюю улицу или стоит на ближайшем рынке. И это как раз самое сложное. Гораздо проще перестроить себя на общефилософском уровне, рассуждая об «универсалиях Чужого» и гораздо сложнее избавиться от взаимного бытового негативизма. Однако именно это путь к сохранению культурной безопасности, ибо «если мы будем продолжать жить во взаимной ненависти, это приведет к тому, что никого не останется...» [Шрайман].

Список литературы:

1. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. - М.: Socio-Logos, 1993.
2. Информационный портал (ИП). - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.cordobainitiative.org>.
3. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. - М.: Академический проект, 2000.
4. Малахов В. Понаехали тут. - М.: Новое литературное обозрение, 2007.
5. Маршак А.Л., Сергеев В.В. Культурная безопасность московского мегаполиса. – М.: Серебряные нити, 2008.

6. Разлогов К.Э. Культурная опасность // Компания (еженедельник). – М., 2008. - 8 декабря.
7. Разлогов К.Э. Российская культура: Развитие или безопасность – что важнее? Выступление на Московском форуме культуры. 1 июля 2010 года // Культурологический журнал. - 2010. - № 2. - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://cjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf
8. Романова А. П., Мармилова В. О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек, сообщество, управление: Науч.-информ. журнал. 2008. - № 2.
9. Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В., Топчиев М.С. Чужой и культурная безопасность. – М.: РОССПЭН. 2013.
10. Романова А.П., Топчиев М.С. Этноконфессиональный аспект культурной безопасности в Астраханской области: Ислам и политика на современном Кавказе: История и современность // Материалы Всероссийской научной конференции. - Карачаевск 2007.
11. Сорокин В. День опричника: Аннотация, 2006.
12. Степанянц М. Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. - №1. - 2012.
13. Фаллачи О. Ярость и гордость: La Rabbia e l'Orgoglio. - Вагриус , 2004. - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/FALLACHI/gordost.txt>
14. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. - 1998. - № 3.
15. Ширяев В.П. Антиномии культурной безопасности // Власть. – 2009. - № 10.
16. Шрайман Ш. Черная метка начала века. - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.proza.ru/2011/09/30/79
17. Шульгина Д.Н. Глобальный «Чужой»/ «Другой» – социокультурные трансформации в условиях глобализации // Вестник Воронежского государственного технического университета. - 2009. - Т.5. - №10.
18. Arrizabalaga y Prado Leonardo de. Culture, Defence and Security. - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsecuritylearning.com/index.php/feature/152-culture-defence-and-security>
19. Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. - Berlin: Ullstein, 2007.
20. Buchsteiner J. Die Stunde der Asiaten Wie Europa verdrängt wird. - Berlin, 2005.
21. Buhrow T., Stamer S. Mein Deutschland – Dein Deutschland. - Berlin, 2008.
22. Bushkovky H. Neukölln ist überall. - Berlin: Ullstein, 2012.
23. Cultural safety; Valuing difference, avoiding assumptions communication. - N.-Y.: N.-Y. University, 2002. - [Электрон. ресурс]. Режим доступа: [http://www.health.gov.au/internet/main/publishing.nsf/Content/58F4F2A90927FEBBCA256F4100153AFA/\\$File/resource-2.pdf](http://www.health.gov.au/internet/main/publishing.nsf/Content/58F4F2A90927FEBBCA256F4100153AFA/$File/resource-2.pdf).
24. Cotter John M. Cultural Security Dilemmas and Ethnic Conflict in Georgia //Conflict study Journal at the University of new Brunswick. - Spring 1999. - Vol. XIX. - No. 1.
25. Forrest Scott. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Northern Research Forum: Plenary on Security. - Yellowknife: NWT, September 18, 2004.
26. Kelek N. Chaos der Kulturen: Die Debatte um Islam und Integration. – Kiepenheuer - Witsch, 2012.
27. Roß J. Was bleibt von uns? Das Ende der westlichen Weltherrschaft. - Berlin, 2008.
28. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. – DVA, 2010.
29. Tardif J., Benghozi P.-J., Junne G., Ross G. Intercultural Dialogues and Cultural Security // Planet Agora - September, 2002.
30. Weaver O. Social Security: The Concept in Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe, 1993.